

□ *Заветный С.А. (Украина)*
□ *Zavetnyy S.A. (Ukraine)*

ТАЙНЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

 бращаясь к расширительному пониманию языка, когда в нем основное место занимают образы, словесно и художественно оформленные, мы находим в нем большие эффективные возможности воздействия на человеческую природу. В связи с этим литература и искусство имеют большие возможности стабилизации и развития человека и общества. При этом, учитывая, что управление в большей степени сигнально-смысловой процесс, чем организационный, а также то, что его особенностью является такой способ воздействия, при котором малые сигналы приводят к большим последствиям, можно заметить, что языку искусства в значительной мере присущи эти свойства. Красочно и ёмко по этому поводу на примере театра высказался Ф. Шиллер: «Театр наказывает тысячи пороков, оставляемых судом без наказания, и рекомендует тысячи добродетелей, о которых умалчивает закон... Театр вытаскивает обман и ложь из их кривых лабиринтов и показывает дневному свету их ужасающую наружность... Театр развёртывает перед нами разнообразную панораму человеческих страданий. Театр искусственно вводит нас в сферу чужих бедствий и за мгновенное страдание награждает нас сладостными слезами и роскошным приростом мужества и опыта... Всё то, что чувствует наша душа в виде смутных, неясных ощущений, театр преподносит нам в громких словах и ярких образах, сила которых поражает нас... Лишь в театре великие мира сего слышат нечто редкое или даже прямо для них невозможное – правду, и видят то, чего не видят кругом себя никогда или встречаются очень редко – человека...» [8, с. 223-225].

Здесь мы видим, как театр с помощью, в общем-то, слабых сигналов-образов вызывает мощные духовные порывы, как удачно он восполняет недостатки права, морали, политики – этих признанных и важных регуляторов общественной жизни и дополняет их, как обогащает человека благородными чувствами и опытом, как иррациональное превращает в рациональное и, самое главное, приводит к рефлексии, осознанию важности и ценности человека. Искусство возвращает

человека самому себе, как бы «очеловечивает» вовлекаемые в сферу его действий вещи, способствуя тем самым восстановлению целостности человека и природы. Еще одну особенность языка искусства, имеющую отношение к управлению, убедительно раскрыл на примере музыки А. Ф. Лосев в своей статье «Основной вопрос философии музыки». Он пишет, что язык музыки приобщает нас к таинственным глубинам человеческого бытия: «Слушая музыку, люди начинают то вспоминать какие-то давнишние и давно исчезнувшие предметы, то вдруг надеяться на какую-то всеобщую красоту, которая должна обнять собою весь мир, да вот уже и обнимает. И люди то блаженно улыбаются, то плачут. А почему, для чего, зачем? А все это только потому, что человек, никогда не мысливший о бесконечности и никогда не понимавший бесконечное в свете конечного, а конечное в свете бесконечного, при слушании музыки вдруг начинает испытывать единство и полную нераздельность того и другого, начинает об этом задумываться, начинает это чувствовать» [4, с. 329]. Из этого чудесного фрагмента проглядывает чудо творения и управления, ибо человек, стремящийся правильно выработать решение, а это является главным в управлении, должен выходить за пределы своей конечности, как это сделал Л. Н. Толстой в поисках смысла своей жизни в «Исповеди», и к чему призывал и на основании чего оценивал людей Н. Кузанский. Действительно, управление – это искусство. Таким образом, становится ясным, что язык музыки, это несложное арифметическое сочетание звуков (нот) то выводит нас за пределы собственного локального существования, то погружает в глубины нашего бездонного естества.

Конечно, значение искусства далеко не ограничивается наличием управляющей функции, сутью его является, как известно, образное воспроизведение жизни. Однако это не простое воспроизведение, а такое, которое прокладывает пути в лучшее будущее, благодаря тому, что несёт в себе идеал, который, пленяя собой людей, становится духовным субъектом управления. Это очень хорошо на примере литературы показал В. Г. Белинский: «Литература есть достояние всего общества, которое через неё обратно получает себе, в сознательной и изящной форме, всё то, чему источником было его же собственное непосредственное бытие. Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, приведенную в сознание» [1, с. 625]. В этом состоит значение также и прогностической функции искусства, поэтому считается, что

подлинное искусство опережает время. Оно обладает в большей мере, чем другие виды социального управления, ещё одной особенностью. Суть её состоит в способности вызывать резонанс в объекте управления. Этим объясняется, как малые сигналы могут вызывать большие последствия. В целом и общем это наблюдается тогда, когда цели управления созвучны общим и частным интересам людей. Это положение хорошо проиллюстрировал французский писатель А. Франс: «Прекрасный стих подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существа. Не свои – наши мысли заставляет поэт петь внутри нас. Повествуя нам о женщине, которую он любит, он восхитительно пробуждает у нас в душе нашу любовь и нашу скорбь. Он кудесник. Понимая его, мы тоже становимся поэтами, как он» [7, с. 285].

Необходимым основанием искусства является красота, которая обнаруживает себя в гармонии как высоком уровне упорядоченного многообразия, поэтому нет, по Платону, красоты ни в чём без гармонии. Характеристиками этого порядка выступают целостность, соразмерность, пропорциональность, ритм и т.п. Своеобразие их сочетания и составляет тайну человеческого бытия, скрывающуюся в генах человека и в глубинах его духовного мира. Таким образом, красота является той системой, которая усиливает управляющее воздействие искусства. Однако в искусстве имеет место не только прекрасное, но и безобразное. Будучи специально оформленными, негативные образы посылают в сознание людей такие управляющие сигналы, которые вызывают у них отвращение к человеческим порокам. Таким образом, искусство, используя контраст, отталкивая, ещё больше притягивает внимание человека к положительным образцам поведения. Одной из усилительных и самосохранительных возможностей искусства является, метко замеченная Хосе Ортегой-и-Гассетом, ирония, когда, по его словам, «новое искусство высмеивает самое искусство» [5, с. 257]. «Нигде искусство, – писал он, – так явно не демонстрирует свой магический дар, как в этой насмешке над собой. Потому что в жесте самоуничужения оно как раз и остаётся искусством и в силу удивительной диалектики его отрицание есть его самосохранение и триумф» [5, с. 257-258]. В этом утверждении имеются исключительно ценные, на наш взгляд, мысли. Во-первых, в словах «в жесте самоуничужения» мы находим аналогию с сигналом, являющимся спусковым крючком механизма управления и его информационной основой, что приводит нас к пониманию того, что искусство

обладает большим разнообразием влиятельных сигнальных возможностей. Но не всякое искусство. Поэтому Н. Бердяев в свое время заявлял: «Нет того рычага, которым футуризм мог бы перевернуть мир» [2, с. 11]. Во-вторых, автор подводит нас к пониманию иронии как самоуничтожения, катарсиса, в котором нетрудно заметить большие возможности совершенствования общественного и личного самоуправления, что позволяет надеяться, что искусство, несмотря на заинтересованность многих социальных сил подчинить его себе, будет наиболее свободным видом информационного воздействия.

Достоинством искусства является также то, что оно, в основном, в отличие от науки, «не разрывает» действительность на фрагменты, а пытается воссоздать ее в целостном образе, высшим проявлением которого является идеал. Благодаря этому, оно носит наиболее гуманный характер и, кроме того, способно проникнуть внутрь таких исключительно сложных, целостных и неделимых духовных образований, как любовь, дружба, вера и т.п., поэтому, видимо, по праву искусство считают совестью общества.

Синтетическая роль искусства проявляется также в том, что красота, добро и истина находят в нём единство, не теряя, однако, при этом своей специфики. Так, спецификой истины является её объективность, добра – способность субъекта отдавать себя объекту. Что же касается красоты, то здесь следует более всего говорить о единстве субъекта и объекта, ибо для того, чтобы любой предмет мог вызвать эстетическое удовольствие, он должен быть воспринят субъектом, но для того, чтобы быть эстетически воспринятым, предмет должен соответствовать таким объективным характеристикам, как симметричность, пропорциональность, созвучность, мера, ритм и т. п. Таким образом, искусство, в котором субъект совпадает с объектом, подобно самоуправлению. Поэтому вполне закономерно, что слушатель, зритель, попадая в сферу влияния искусства, становится соучастником, сотворцом происходящего на сцене, в концертном зале, в художественной галерее и т. п.

Важно то, что люди, встретившись в воображаемом мире, созданном искусством, слившись в одно единое в стремлении решить какие-то проблемы, возвращаются в реальную жизнь уже обогащенные необходимой духовным опытом. Но таким искусство может быть, если оно соответствует истинным интересам людей и пронизано добродетелью и красотой. Поэтому не удивительно, что искусство является наиболее

влиятельным средством воздействия на общество. Его сила во многом зависит также оттого, что сигналы, с помощью которых оно оказывает управляющее воздействие на человека, представляют собой смысловые образы, символы общечеловеческого характера, способные одновременно влиять на разум, чувства и волю человека. Это связано с тем, что искусство обладает способностью выступать в роли художественного «микроскопа» и «телескопа», делая образы не только более наглядными, привлекательными, но и идейно наполненными.

Весомость потенциала управляющего воздействия искусства определяется во многом его замечательной способностью воспроизводить или создавать в идеальном и духовном плане множество вариантов и типов жизни. Благодаря этому искусство и литература как бы наряду с реальным миром воссоздаёт множество идеальных миров, которые по содержанию, духовному наполнению могут быть гораздо богаче и интереснее первого. Всё это предоставляет уникальную возможность каждому человеку избирательно приобщаться к этому духовному богатству и тем самым восполнять неполноту собственного реального существования. Мало того каждый человек благодаря искусству и литературе может виртуально прожить множество жизней. В этом плане большой, как притягательной, так и отталкивающей управляющей силой обладает образ, стиль, пример жизни, вмещающий в себя бесконечное многообразие их индивидуальных и общественных проявлений. Поэтому Н. Бердяев, рассуждая о кризисе искусства, утверждал, что его задача в том, чтобы «в этом мировом вихре сохранились образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни» [2, с. 23].

Особое значение в осуществлении управленческой функции литературы и искусства имеет такое сигнально-смысловое образование, как вымысел. О силе его воздействия говорит афоризм А. С. Пушкина: «Над вымыслом слезами обольюсь». В этом плане его можно сравнить с чудом в мифах и религии. В чём же заключается сила и привлекательность этих управляющих сигналов? Прежде всего, в том, что все они удовлетворяют известную устремлённость человека в будущее. Однако если чудо больше основывается на вере, чувствах оптимистического ожидания, изумления, восторга, то вымысел – на логике построения и развёртывания, идейной глубине прообразов будущего, потенциального бытия.

С другой стороны, если понимать социальное управление как единство двух механизмов управления: целенаправленного и стихийного, то следует

заметить, что искусство и религия используют второй механизм в ответ на извечное тяготение людей к чему-то таинственному, загадочному.

Вместе с тем искусство позволяет человеку очиститься или избавиться от негатива, реализовать свои непредсказуемые, пагубные устремления и злые намерения в воображаемом мире, излив их на необходимые для этого вымышленные персонажи, или слившись с соответствующими музыкальными фрагментами.

По своей специфике искусство является одной из диффузных систем управления, ибо обращено ко всем, а воспринимается избирательно. Как заметил Хосе Ортега-и-Гассет, чтобы воспринимать искусство, люди должны обладать особым даром художественной восприимчивости, как он говорил, «умеющих известным образом приспособить наш зрительный аппарат» [5, с. 234]. Таких, по его мнению, меньшинство. Большинство же тех, кто «за деревьями не видит леса».

Наряду с этим литература и искусство являются одной из тех областей человеческого существования, где личностное самоуправление более всего стремится к социальности, на что указал Л. Н. Толстой, определив искусство как опыт личной жизни, рассказанный в образах и ощущениях и претендующий стать обобщенным.

Представляя общество как управляемую систему, а литературу и искусство как управляющую, важно выявить, что в данном случае должно служить управляемым параметром. Проблема исключительно сложная. Даже в технических системах существует, как правило, несколько параметров, таких, как, например, давление, температура, влажность и т.п., что касается социальных систем, то здесь гораздо сложнее. Однако тем, кто озабочен состоянием литературы и искусства, их местом и ролью в обществе, необходимо на что-то ориентироваться. Как правило, такими параметрами более всего выступают посещаемость театров, киноконцертных залов, музеев, библиотек и т.п., их количество и разнообразие. Несмотря на правомочность такого подхода, он всё же является недостаточным. Для эффективности и удобства управления необходимо иметь какой-то интегральный показатель. Им может быть, не претендуя на последнее слово, уровень народного творчества, который можно оценить как количественно, так и качественно по результатам художественной деятельности. Своеобразие такого подхода в том, что этот параметр находится как бы и вне, и внутри искусства (так как народное творчество – это тоже искусство),

показывая глубину проникновения последнего в общество и степень распространённости в нём.

Таким образом, эстетичность является важнейшей характеристикой человека и общества. Вместе с тем эстетичность может выступать также в качестве цели и средства управления, т. е. человек должен стремиться к красоте и жить красиво, подобно тому, как считал Л. Н. Толстой, что смысл жизни заключается в жизни. Поэтому негативное отношение к лозунгу «искусство для искусства» необходимо в определенных ситуациях снять, ибо искусство – это такая система, в которой цель, средство и результат могут совпадать. Любое же отклонение от критерия красоты в этих компонентах порождает превращённые формы искусства. Одной из таких форм является массовое искусство, которое рассчитано на примитивные чувства людей, отличающихся лёгким, безответственным, гедонистическим поведением. «Как таковое, – отмечал Питирим Сорокин, – оно создано для рынка, как объект купли и продажи, зависящее в своём успехе от конкуренции с другими товарами» [6, с. 443]. И далее продолжает: «в поисках пользующегося большим успехом чувственного и сенсационного материала как необходимого условия стимуляции и возбуждения чувственного наслаждения искусство уклоняется от позитивных явлений в пользу негативных, от обычных типов и событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности к социальным отстойникам, и, наконец, оно становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности...» [6, с. 450].

Весьма интересны рассуждения Питирима Сорокина об излишнем влиянии на искусство (наряду с экономикой) науки. Он писал, что «модернистское искусство стремится изобразить не Бога, а материю во всей её трёхмерной реальности. Его протест не во имя Бога или какой-либо другой сверхчувственной ценности, а во имя материального мира, против призрачной поверхностной материалистичности чувственного искусства. В этом отношении современное искусство чрезмерно научно» [6, с. 462]. И, добавим, не вполне религиозно, из-за недостаточного присутствия в искусстве возвышенных, сакральных идеалов. Видимо, по этой причине В. Вейдле заметил, что «искусство великих стилистических эпох полностью выражает человека именно потому, что в эти эпохи он не занят исключительно собой, не оглядывается ежеминутно на себя, обращён если не к Творцу, то к творению в несказанном его единстве, не

к себе, а к тому высшему, чем он жив и что в нём живёт» [3, с. 288]. При всём положительном значении литературы и искусства нельзя не указать и на другие отрицательные последствия – такие, как отвлечение некоторых людей от реальной жизни и апатия к ней, чрезмерная идеализация действительности, мечтательное бездействие и т.п.

Всё это говорит о том, что литература и искусство для своего совершенствования требует собственного управления, что человек, предаваясь и отдаваясь литературе и искусству, не должен переходить пределы их истинного предназначения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. – М.: АН СССР, 1954. – 862 с.
2. *Бердяевъ Н.* Кризисъ искусства. – М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. – 48 с.
3. *Вейдле В.* Умирание искусства. //Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Изд. пол. лит-ры, 1991. – С. 268-292.
4. *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Изд. пол. лит-ры, 1991. – 525 с.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. //Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Изд. пол. лит-ры, 1991. – С. 230-264.
6. *Сорокин Питирим.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд. пол. лит-ры, 1992. – 540 с.
7. *Франс А.* Собр. соч. В 8-ми т. Т. 3. – М., 1958-1960.
8. *Шиллер Ф.* Собр. соч. в семи томах. Т. 6. – М.: Гос. изд. художественной литературы, 1957. – 791 с.

